

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г95

Оформление серии *Петра Петрова*

- Гурина, Юлия.**
Г95 Мы же взрослые люди : роман / Юлия Гурина. —
Москва : Эксмо, 2020. — 288 с.

ISBN 978-5-04-109594-9

Героине романа Юлии Гуриной Нине кажется, что она потеряла себя и заблудилась в собственном доме. Второй брак, второй ребенок, декрет, утраченные амбиции, видимое семейное благополучие и совершенно не соответствующая этому изнанка. Из оцепенения героиню выводит случайная встреча с первой любовью. Нина влюбляется безрассудно, как человек, считавший, что в жизни уже никогда не произойдет ничего потрясающего. Однако бегство в мечту оказывается невозможным. Автор откровенно пишет об инфантилизме, капитуляции перед действительностью и страшной для многих теме ВИЧ, которая сегодня ближе к каждому из нас, чем хотелось бы, — честно, предельно откровенно. Точные заметки про сегодняшнюю жизнь, запакованные в острый сюжет.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-109594-9

© Гурина Ю., текст, 2020
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Эта дурацкая любовь похожа на шута, который бегаёт взад и вперед, не зная, куда ему су-нуть свою погрешушку.

Шекспир

Когда едешь по городу, в котором прожил всю жизнь, то время от времени попадаешь в другие измерения. Даже если город очень большой. Тут улица, на которой у тебя была прошлая жизнь. Здесь вы жили в старинном доме на пятом этаже. На подоконнике всегда сидели голуби. Тут гуляли с малышом, шли по каменным переулкам к саду. А там за углом отель, в котором случилось самое безумное приключение. В этом доме было кафе, где ты сидел с другом и планировал свою жизнь: ставил цели, давал зарок. Жизни той уже нет, как и тех зарок, а место есть.

А на следующей улице, на которой вечно кладут асфальт, был бар, в котором ты впервые расставалась. «Понимаешь, ты слишком хорош для меня, а я... я недостойна тебя». И он уходит из бара, не заплатив за все напитки. А ты сидишь, тебе грустно. И вспоминаешь его щеку, шею, рот.

В городе, в котором прожил всю жизнь, невозможно не наткнуться на такие места. Особенно вечером, особенно летом. Когда город приятно пуст. Фонари сражаются с тьмой. И проезжаешь по улице 2016 года, а сквозь придорожные кусты выступают призраки прошлого, которые живут в этом месте всегда.

Вот дорога, по которой ты мчался 180, несмотря на знаки, потому что тебе казалось, что ты гибнешь, что

ты в воронке и только скорость может помочь. Ты думал, ты разгонишься, и все решится само, что последние лет шесть ты жил не туда. Магическое мышление.

А в этом угрюмом районе жил любимый. Не один из множества, а тот самый Любимый. И только с ним жизнь становилась объемной. Как будто он был не человек, а акваланг в подводном мире. И невозможно было представить, что вы будете не вместе. А потом прошло и это. Вы не вместе. Следом уже пролетела пара жизней. А на улице среди ночных бликов мокрого асфальта живут призраки тех дней: дрожь в коленях, беспощадная страсть и надрыв от красоты и несправедливости этого большого звенящего в ушах мира. Детские призраки. Никчемные Ромео и Джульетта среди воспоминаний, обесцененные, они поднимают чахлые руки из луж.

А эта улица ведет к роддому. И каждый раз, когда ты с кем-то проезжаешь мимо, ты всегда говоришь: вот мой роддом, тут я родила старшую дочь. И там в одном из окон до сих пор стоишь ты, глядишь на последний свежевыпавший весной снег. И тебе кажется, что ты на другой планете. Что все телефоны, люди — все это так далеко и малозначимо. И совершенно непонятно, зачем они звонят и пишут эсэмэски. А рядом с тобой в прозрачном корытце лежит завернутый в нелепые пеленки ребенок. Твоя дочь. И у нее такие тоненькие ручки и маленькие пальчики, что страшно разворачивать. У нее пластмассовая прищепка на пуповине. Теперь дочь — самостоятельный человек.

Прошлое проглядывает сквозь выкрашенные в другой цвет фасады. А потом ты уже едешь просто по дороге, просто домой в просто настоящее.

Ты переходишь изо дня в день, каждый из которых похож друг на друга, как новый круг на карусели. И думаешь, что никогда уж с тобой точно не случит-

ся ничего плохого. Все самое безумное и интересное было в прошлом, как тебе теперь думается. Ты допускаешь, что маленькие неприятности неизбежны, но от совсем больших неурядиц ты как бы застрахован. Потому что ты хороший человек, а хорошие люди заслуживают большего. Или потому что ты умный человек и все предусмотрел, твоя стратегия жизни надежна, поэтому беды не будет. Ты веришь в это, ведь надо как-то жить дальше, быть оптимистом, в конце концов.

У тебя есть проблемы, но их не стоит серьезно воспринимать и не надо ими козырять перед другими, потому что это фи. Даже так: есть проблемы, которые обсуждаются в обществе, и иметь такие проблемы — нормально, а о других лучше не распространяться. Не поймут.

Но даже тайные проблемы не затмевают собой картинку радужного будущего. Ты вполне сохраняешь порядок своего личного мироустройства. Продвигаешься по карьерной лестнице мироустроителей. И тебе даже кажется, что ты уже практически зам самого Бога в своей жизни.

А потом вдруг на тебя выливается цистерна воды. Сбивает тебя с ног, уносит с собой интерьерные решения твоей жизни. Затапливает весь дом. И привет.

Письмо

Утром письмо уже было в почте. Она увидела красный кружочек с цифрой 1 над телефонной иконкой с конвертиком. Нина не решалась его открыть. Как она будет жить, если... Неотвратимость однозначного ответа в письме пугала ее до тошноты и комка густого шершавого воздуха в гортани. Через полчаса она решилась проверить. А вдруг пришло совсем другое пись-

мо? Рассылка из магазина или по делам кто-то написал? Вдруг это обычный спам? Она уже даже убедила себя, что это совсем не то письмо. И зашла в почту. Письмо оказалось то самое...

Нина отложила телефон и ощутила приступ острой ненависти и жалости к себе. Что бы там ни было написано, даже противоположные варианты, это окажется приговором. Хотелось ускользнуть, пропасть, испариться, чтобы не читать и не узнавать то, что она должна узнать... Если бы была под рукой кнопка, нажав на которую можно исчезнуть, Нина бы нажимала эту кнопку, пока не растворился бы последний ее волос. Избавиться от ошибки уже не удастся. А где же и когда она начала ошибаться? Полгода, год назад? Или еще раньше?..

Звонок

За десять месяцев до письма

Она положила трубку и стала смотреть в окно. Июнь, начало лета.

Подумала о том, что надо бы сделать что-то хорошее. И продолжать жить как ни в чем не бывало. Хорошим делом считался разбор посуды, стирка двух гор белья, разгребание игрушек, прогулка с маленьким сыном по случаю солнечной погоды.

Ходила вместо этого по квартире, как по Дублину и Средиземному морю. Зашла в фейсбук.

А там у кого-то пропала собака, ее увезли на машине. Потом собака нашлась. Несколько возмущенных записей про презервативы, что запретили самые хорошие. Читала и комментировала. Это отвлекало.

Вспомнила, что обычно с утра у детей должен быть завтрак. Стала готовить овсянку. Сын громил кухню. Вожатые лагеря, где отдыхала дочь, прислали эсэ-

мэску, что Алина не ест уже третий день. Написала ей и пригрозила, что заберет раньше конца смены.

Мыла, стирала. Перекладывала игрушки с пола на полки. Делала все так, как будто телефонного разговора и не было.

Богдан экспериментировал с едой — делал маску из творога. Обнаружила себя разглядывающей стену. На стене плитки. Между плитками пыль. Вспомнила о том, что надо делать хорошее. Заглянула в телефон уточнить время и погоду. А там фитнес-челлендж и несколько постов от френдов, как у них все зашибись прекрасно.

Отложила телефон, как зло и порочный предмет. Тем более что он разрядился. Но тут случайно на глаза попался ноутбук. На почту пришла рассылка из интернет-магазина одежды. Вспомнила, что она девочка и очень хочет платье. Стала выбирать платье. Навыбирала кучу барахла. Поняла, что это не имеет смысла. Все не то, и жизнь в общем-то обман. Дальше думать ни о чем не получалось.

В голове был штиль, и по спокойной глади плыло ощущение, что нужно думать о чем-то существенном, ценном, чтобы развиваться.

Вышли на прогулку. Богдан радовался этому и бурно выражал восторг. Обнаружила себя среди других родителей, которые с остекленевшими глазами в трансе качают детей на качелях. Как зомби ходила за сыном по площадке. Была его большой молчаливой тенью. Подумала, что надо высыпаться. Где-то в волшебном пространстве сна осталась часть ее. Не захотела возвращаться или просто опоздала на поезд из сна в явь.

На солнце у Богдана волосы сверкали рыжиной. Его улыбка, смех, ноги, попа, малюсенькие пальчики вы-

зывали умиление — теплое, щекотное чувство в солнечном сплетении. Катались с горки вместе.

А потом они поехали в магазин — вливаться в общество консьюмеризма. Планировалось заполнить потребительскую корзину так: панамы Богдану, сандалии и продукты питания. Вместо этого купила себе без примерки шмотья на бешеные тыщи и панаму для сына. Переживала. Решено было успокоиться с помощью йогуртового мороженого. Ели вместе двумя разноцветными ложками и смотрели на гигантских надувных зайцев и светодиодные огромные шары.

Лето было в самом разгаре.

Тем временем день уже клонился к концу, ему уже ничем нельзя было помочь.

Одиссей возвращался из путешествия по офисным морям.

Вечером решила погладить. Разглаживала волны на рубашках.

Ужинали молча. Ей казалось, что они картина. Реализм. Неореализм. Крючки спин, фигуры, чем-то похожие на букву «а» — маленькую. Композиция идеальная для эскиза с натуры. Эпос повседневности — самого большого зверя.

Говорить было не о чем. Разговор все реже рождался в их доме. Слова в этой ситуации были лишними. Потому что не было слов для того, что происходило между ними.

— Звонила мама, — сообщила она.

Он продолжал смотреть что-то в телефоне.

— Сказала, что отец ушел. Полюбил другую.

Если бы это была пьеса, то тут бы что-нибудь произошло. По законам драмы тут должен был бы случиться двигательный всплеск. Изменение мизансцены, выстрел из ружья, прибежал бы гонец или хотя бы слуга,

который, заходя в комнату, опрокидывал бы случайно поднос с шампанским.

Но на самом деле не случилось ничего. Она сказала, он промолчал. Он играл в шарики. Он был серьезным человеком и чемпионом по лопанию шариков.

Она уже перестала ждать, собирала посуду, когда он ответил:

— Понятно. Пойдем спать уже.

Драматург этой пьесы был не в духе. И героям не досталось слов.

Она домывала посуду и сквозь сон сочиняла письмо. Кому письмо? Богу? Инопланетянам? Воображаемым друзьям? Себе в будущее?

Она лежала и думала: как же жить дальше? Когда все рушится. Когда разводятся самые красивые, самые идеальные пары. В которые она так верила. Можно сказать, это были ее ориентиры, звездные эталоны брака. Моника Белуччи, Бред Питт, Анджелина Джоли. Джонни Депп — и тот бросил свою Ванессу Паради. А тут сам отец. Когда даже отец... Тот человек, который растил ее, катался с ней на лыжах каждые выходные, натирал щеки снегом, если она их морозила. Который гладил ее по голове, когда она лежала у него на коленях, если ее тошнило в автобусе. Который всегда целовал маму за праздничным столом. И говорил, что любит их всех больше жизни.

Даже он их оставил. Даже ему это все оказалось не под силу. И он не смог устоять перед жерновами перемен. И все они угодили туда. Она представила, как они все перемальваются в жерновах.

Ее охватил вселенский ужас. Такой нечеловечески сильный. Она ощутила себя внезапно совсем одинокой, незащищенной от невзгод. Она смотрела одна в лицо

бесчеловечному космосу и ощущала одновременно ничтожность своего ужаса и его неотвратимость.

Муж храпел всего в нескольких сантиметрах. И выглядел совершенно безучастным. Ее рука потянулась под одеяло и коснулась его тела. Теплового живого тела. Рука скользнула вниз под резинку пижамных трусов. Когда-то этот жест, бесстыдный, дерзкий, влек за собой ответные жесты. Но сейчас тело мужа крепко спало, ничто в нем не отозвалось. Он был где-то очень далеко. От жены, дома. И сам этот жест уже давно перестал что-либо значить. Обычная привычка засыпать с рукой в трусах друг у друга. Их давно уже ни к чему не приводящая особенность.

Муж сквозь сон вытащил ее руку и, повернувшись на другой бок, продолжил спать, но уже не храпел.

Секс с мужем стал настолько редким, что она точно могла сказать, что последние два или даже три месяца точно ничего не было. «Бесмысленные телодвижения», — шутил про это Илья — ее муж. Секс постепенно сходил на нет в их семье. «Все так живут, это нормально, у всех моих друзей так, не парься, — говорил Илья. — Мы разумные существа, у нас есть более интеллектуальные удовольствия». В список удовольствий входили игры в телефон, просмотры комедий и рассуждения о мировой политике. А с некоторых пор добавились еще ежеквартальные составления коллажей мечты и трансформационные игры. Илья ими чрезвычайно увлекся в последнее время. Трансформация Ильи шла быстрыми темпами, он все глубже трансформировался. И в его новом трансформирующемся мире все меньше оставалось места для нее и для них двоих.

Но сейчас не об этом, сейчас надо спать.

Она закрыла глаза.

Завтра должен был начаться новый день. В котором надо было жить. Принимать решения, растить детей, становиться взрослее или просто старше.

Подруга

За десять месяцев до письма

— А он что?

— А он просто сказал: пойдём спать.

— А потом что?

— А потом утром попросил его не грузить, потому что у него сложный день. Нужно создавать позитив. Потому что мышление определяет бытие, а позитивное мышление — это ключ к решению всех проблем. Примерно так. Но ничего, как-то решим все. Ведь ничего же страшного не происходит. А у тебя как?

Они сидели в кафе во вторник утром. Капучино, сырники, торт. Две городские барышни.

С утра она позвонила и попросила срочной встречи. Ей очень хотелось поговорить, рассказать, что все в жизни летит к чертям. Что у нее нет сил и катастрофа. Что она не знает ничего и заблудилась. Что с мужем они в тупике. Что мама с папой разводятся, а ей от этого так страшно, как будто она совсем ребенок. А дочь старшая... Про то, что происходит со старшей дочкой, даже думать было страшно. У нее уже были готовы фразы, она продумывала текст, как и в каких словах расскажет о своей беде. Ведь она же в беде. Она лежит уже на рельсах, и жизнь вот-вот переедет ей ноги.

Но они встретились, разобнимались, разулыбались. И начали болтать о погоде, о кофе, о своем приятеле Гере, который опять завел нового любовника. О всякой чепухе.

Пожаловаться на жизнь никак не получалось. Она иронично передала сюжет последних дней. С юмором. Видимо, демон позитивного мышления коснулся и ее. И весь ужас так и остался за пазухой невысказанный. Формат не тот. И в этом формате — она благополучная дама из благополучной семьи. Москвичка, 36 лет. Двое детей, второй брак. Муж зарабатывает. Дети здоровы, родители живы. Денег хватает. Жилье свое есть, а причин для горя нет. По этим критериям она вообще преуспевает в жизни. А проблемы — у кого их нет? Проблемы решаемые или надуманные.

Внутри все равно таилось отчаяние, несмотря на позитивное мышление. Отчаяние пряталось, жалось по углам, закоулкам сознания, ускользало от пылесоса, собирающего неугодные позитиву мысли. Отчаяние выживало. Оно было партизанской силой, взрывающей мосты и пускающей под откосы составы бодрого настроения. Отчаяние вело ее, и, возможно, именно отчаяние поддерживало в ней жизнь.

— Я вернулась, как видишь. Привыкаю к Москве — к месту, где невозможно жить.

— Как отдых? — безучастно спросила Нина.

— Отдых всегда хорошо. Лежишь, разглядываешь море, людей на море. И знаешь, что я увидела в этот раз? Я увидела любовь. Я наблюдала за парами. Простыми парами. Человеческими особями на отдыхе. И я нашла любовь. Ты знаешь, глядя на них, поняла, что люди могут любить друг друга всю жизнь. Я видела подтверждение. Эти пары не отличаются красотой в обывательском понимании. У них не сильно прекрасные фигуры, одеты они неброско или вообще нелепо, им, как правило, уже много лет. Шестьдесят плюс. Именно в этом возрасте любовь видно особенно отчетливо. Она проявляется во взглядах, в жестах, в шутках и в том, как возлюбленные разговаривают

друг с другом. Как синхронно они умеют хотеть одного и того же, как они заботятся друг о друге и знают друг друга. Мне кажется, что именно такие образы и должны быть символом настоящей любви. Она, как кокон, их оберегает, что ли. Понимаешь, это означает, что у нас у всех есть шанс.

— У моих родителей уже нет, они разводятся, — выпалила она. — В этих Помпеях наступил последний день.

— У твоих родителей тоже есть шанс. У каждого свой. И у тебя тоже.

Дальше разговор не клеился. Сырники кончились. Официантка унесла тарелки.

Дома

За десять месяцев до письма

Нина уже больше трех лет сидела дома. Так принято у нас говорить. К появлению на свет Богдана решили готовиться основательно, и Нина ушла с работы. И вот три с половиной года жизни в другом измерении.

Нина сидела дома ровно столько, чтобы научиться замечать пыль. Она знала те особые углы, в которых пыль любит скапливаться. Она видела пыль на дверях. Видела ее на плинтусах, на хрусталинках люстр. Пыль появлялась везде, иногда это было просто невыносимо.

Жирная пыль на вытяжке, серая пыль на занавесках. Между речками на стульях. Нина, как параноик, выискивала новые и новые скопления пыли. Пыль в складках дивана. И конечно же, пыль на полу. Белая пыль от постельного белья, серая от одежды. А еще часть пыли — это частички человеческой кожи. Сколько в процентах этой кожи лежит сейчас на полу? Можно подумать, что дом Нины зарастал пылью, но не